Ор 84
Г 72

№6

ГОСТИНЫЙ ДВОР

Великая война, великая Победа • Михаилу Шолохову 100 лет!

Р84
Г72

№ 16

ГОСТИНЫЙ ДВОР

84(2Рос=Рус)6-43

Литературно-художественный и общественно-политический альманах
Издаётся с 1995 года

+ОРО

Издание осуществлено на средства администрации Оренбургской области — при поддержке Петра Викторовича Поляничко

«Уральский рабочий»
2005

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им.Н.К.КРУПСКОЙ"

Г. П . МАТВИЕВСКАЯ,
доктор физико-математических наук
И. К. ЗУБОВА,
кандидат физико-математических наук

«Я УДОВЛЕТВОРЮ СОВЕРШЕННО МОЮ СТРАСТЬ К ПРИКЛЮЧЕНИЯМ...»

Письма И. В. Виткевича к В. И. Далю

Среди замечательных людей, служивших в Оренбурге в 20-30-е годы XIX в. особое место занимает Иван Викторович Виткевич (1809-1839), оставивший заметный след в истории русской дипломатии на Востоке, человек яркой и трагической судьбы. Он происходил из польских дворян Шавельского уезда Виленской губернии и оказался в Оренбургском крае в возрасте четырнадцати лет как политический ссыльный. В 1823 году в гимназии городка Крож, где он учился, было раскрыто тайное общество, члены которого предстали перед военным судом и получили строгое наказание. Виткевич, по его словам, «за принадлежность к тайному обществу под названием Чёрных братьев, составившемуся между учениками Крожской гимназии, и за участие в раздаче возмутительных писем и стихотворений» был лишён всех прав состояния и сослан рядовым в Орский батальон отдельного Оренбургского корпуса.

В новых условиях, преодолевая тяготы солдатской службы, Виткевич занялся самообразованием. Особенно преуспел он в изучении восточных языков, так как интересовался незнакомой жизнью азиатских народов, с представителями которых в Орске ему постоянно приходилось общаться. Вскоре он близко познакомился с нравами киргиз (как тогда называли казахов) и освоился с их кочевым бытом.

В формулярном списке Виткевича, находящемся среди документов Государственного Архива Оренбургской области, отмечено, что он знает российскую, немецкую, французскую и польскую грамматику («читать и писать умеет»), обладает познаниями в алгебре и геометрии и владеет киргизским и персидским языками[1]. Своей образованностью и любознательностью он произвёл большое впечатление на проезжавшего через Орск в 1829 году выдающегося немецкого географа Александра Гумбольдта, который совершал научное путешествие по России[2]. Ходатайство учёного перед столичным начальством облегчило участь Виткевича: в 1830 году он был произведён в унтер-офицеры и прикомандирован к Оренбургской пограничной комиссии для выполнения заданий по управлению киргизскими делами. С этих пор он постоянно находился в разъездах по степи, выясняя причины возникновения различных межродовых конфликтов, помогая их разрешению, и нередко подвергался серьёзной опасности.

Председатель Пограничной комиссии Г. Ф. Генс и военный губернатор П. П. Сухтелен, как свидетельствуют архивные документы[3], имели немало случаев высоко оценить способности Виткевича, его смелость и находчивость. В 1832 году он был произведён в портупей-прапорщики, позднее в поручики. Получение офицерского чина означало, сто ссыльный восстанавливается в дворянских правах.

В 1833 году, после неожиданной смерти П. П. Сухтелена, на пост военного губернатора был назначен В. А. Перовский. Он сразу понял, что Виткевич может быть весьма полезен для развития отношений с Бухарским ханством, что в то время являлось важной внешнеполитической задачей России из-за действий англичан, стремившихся выжить её с восточных рынков. Перовский предложил кандидатуру Виткевича на роль посланника, которого было решено отправить в Бухару от имени оренбургского военного губернатора осенью 1833 году. Однако в Петербурге предложение Перовского отклонили, и эту миссию выполнил преподаватель Неплюевского военного училища П. И. Демезон.

Виткевич побывал в Бухаре через два года. В октябре 1835 года он был командирован на всю предстоящую зиму в киргизскую степь, в аулы, кочующие близ Сыр-Дарьи. В данной ему инструкции предписывалось, чтобы, осмотрев обстановку «глазом просвещённым и беспристрастным», он постарался «личными внушениями и советами понудить ордынцев к спокойствию и миролюбивым поступкам против однородцев и соседов»; он должен был также содействовать освобождению захваченного киргизами казака Степанова с женой. Вместе с тем, ему было поручено собрать сведения о положении в Бухарском и Хивинском ханствах и об активности англичан в этом регионе. В инструкции сказано: «Самое бдительное внимание надлежит Вам обратить на слухи и сведения о Средней Азии. Бухарцы и хивинцы, несмотря на то, что они пользуются чрезвычайными выгодами от торговли с Россией, без которой они не могут обойтись, умышляют всегда против нас зло, покупают и держат в неволе наших людей, возмущают киргизов и всегда готовы внимать советам, для нас невыгодным. Советы такие легко могут быть предложены европейцами, начавшими посещать соседние нам области Средней Азии, и потому мы должны наблюдать тщательно сношения их».

Перовский, поручивший это ответственное задание Виткевичу, не сомневался, что «способности, знание местностей и языка, особенно же готовность быть полезным и другие качества, отличающие сего офицера, ручаются за успех». В действительности успех этой поездки превзошёл самые смелые ожидания.

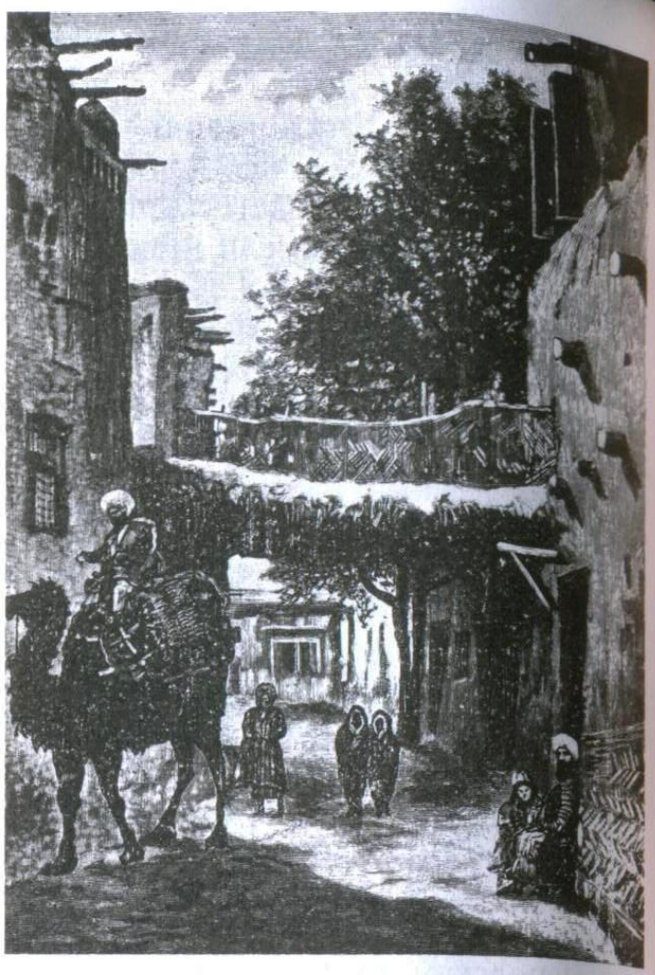
Девятого ноября 1835 года Виткевич выехал из Орска с бухарским караваном, намереваясь по дороге отделиться, остаться в степи и, выполнив поручение, вернуться обратно. Однако, как он писал впоследствии, обстоятельства принудили его «проникнуть далее и побывать даже в самой Бухаре». Присоединившись к тому же каравану, он прибыл в столицу ханства 2 января 1836 года и провёл в этом недоступном для европейцев городе почти полтора месяца. Ему удалось хорошо познакомиться с Бухарой и жизнью её населения, встречаться и беседовать с куш-беги, ханским министром, собрать много сведений о политике англичан в Средней Азии. Однако, оказавшись в опасности, он покинул Бухару 13 февраля с торговым караваном и вернулся в Орск 18 апреля 1836 года.

Результаты поездки Виткевича, которая, по существу, была настоящим подвигом, получили самую высокую оценку. Но затем последовали события, сыгравшие, в конце концов, роковую роль в его судьбе.

Вместе с Виткевичем из Бухары прибыл афганец Гуссейн-Али, посланный

кабульским владетелем Дост-Мухаммедом с грамотой к русскому царю, в которой он предлагал «утвердить между двумя державами стезю дружбы и единодушия» и просил защиты от своих недругов, поддерживаемых англичанами[4]. Перовский, убеждённый, что, исходя из интересов России, просьбу Дост-Мухаммеда следует удовлетворить, отправил посланца в Петербург в сопровождении Виткевича, надеясь, что последнему это принесёт пользу. В письме Перовского к канцлеру К. В. Нессельроде читаем: «Виткевич приехал сюда будучи ещё почти ребёнком, за проступок, из Виленской гимназии; ныне по тринадцатилетнем пребывании своём в здешнем крае вполне загладил вину свою отличным поведением и примерным усердием, с каким исполняет все налагаемые на него поручения. Он прикомандирован уже несколько лет к Пограничной комиссии, знает хорошо татарский и персидский языки, может служить в столице переводчиком при расспросах кабульского посланца и сверх того может дать Азиатскому департаменту подробнейший отчёт касательно всех местных отношений здешних со степью и с соседними областями Средней Азии. Поэтому смею я просить ваше сиятельство покорнейше и ходатайствовать на отправление Виткевича Высочайшего Его Величества Государя Императора соизволения»[5].

Соизволение было получено, и Виткевич со своим подопечным 15 июня отбыли в столицу. Перовский, отправляя одновременно в Азиатский департамент «Записку, составленную по рассказам прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно», писал директору департамента К. К. Родофиникину: «Вы его увидите и оцените сами, прочтёте записку и решите, достоин ли он Вашего начальничьего покровительства; от природы скромного характера, он сделался ещё более застенчив от несчастных обстоятельств, которые, думаю, Вам отчасти известны; ещё в детстве сделал он шалость, которую назвали политическим преступлением, и был пятнадцати лет наказан он как преступник; сосланный в дальний гарнизон на Оренбургской линии, Виткевич более десяти лет прослужил солдатом и, имея начальниками пьяных и развратных офицеров, он сумел не только сохранить чистоту и благородство души, но сам развил и образовал свои умственные способности; изучился восточным языкам и так ознакомился со степью, что можно решительно сказать, что с тех пор, как существует Оренбургский край, здесь не было ещё человека, которому бы так хорошо была известна вся подноготная ордынцев; он уважаем вообще всеми киргизами как по правилам своим, так и по твёрдости, которую имел случай неоднократно доказать при поездках в степь»[6].

В улицах Бухары

Перовский не сомневался, что Виткевича ждёт большой жизненный успех, и от души этому радовался. Те же чувства испытывали и его сослуживцы в Оренбурге, среди которых он пользовался уважением и любовью.

Искренним другом И. В. Виткевича был В. И. Даль, состоявший чиновником

Милостивый Государь

Владимиръ Ивановичъ

Едва я успѣлъ выѣхать изъ Орска, какъ положеніе по прохожденію нами инструмента было довольно хорошее, хотя и не видели еще мостъ. Золотоискатели на каждомъ почти переходѣ выливаютъ золото, хотя видимое только въ Кизилкотѣ, что меня не очень удовлетворяетъ въ отношеніи только то мѣсто найдемъ кусокъ высотою 688 сажень золотника, какъ Вы объ этомъ повѣдомляете узнать изъ посланнаго Вамъ описанія.-

Наши Киргизки дѣла ни сколько не подвигаются впередъ.- Биевъ и которыхъ надобно отдѣлать кубиками и нужные для захвату, все отложено до Іюня. такъ что я опредѣлилъ отправиться по 7 или 10 верстъ въ день и думаю не ѣздить о чемъ извѣщаю васъ. Я имѣю послать Вамъ донесеніе подробно Григорію Ѳедоровичу о всемъ что нами до сего произведено.- Во всякомъ случаѣ

Высылка остатков Башкирцевъ не обходима, но
болезь ихъ Киловские Тыкалбайтинцы отбывши
совершенно отъ мирянахъ собрайтiи свалъ и по
тому не чрезмерно было наказанiе первыхъ.-

Басни и сказки пишутся; только сказки со
вордовъ Татарвы и Башкирцевъ; Кирилла сама
интересныя Котлярвейцевъ узнать что нибудь
Какiя тамъ наши пойдутъ дальше такъ, какъ
вчерашнiй день было мешать и возвращусь
раньше нежели предполагалъ.-

Съ истиннымъ почтенiемъ и совершенною
преданностiю

милаго друга Вашего

Вашего

покорнаго слуги

Иванъ Виноградова

Верхнiе роднки Уруссу-Кисканъ

24 Iюня 1854 года

особых поручений при В. А. Перовском и, как видно из архивных документов, занимавшийся вопросами внешней политики, которые приходилось решать оренбургскому военному губернатору. Именно Даль записал под диктовку Виткевича сведения, собранные им во время поездки в Бухару. Это отмечено на рукописи, хранящейся сейчас в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук[7]. Сама же «Записка», рассматривавшаяся в своё время как секретный документ государственной важности, была опубликована только в 1983 году[8].

О тёплых, искренних отношениях между двумя замечательными людьми, связанными с Оренбургом и оставившими важный след в его истории, свидетельствуют письма Виткевича к Далю, которые хранятся в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге (Институт русского языка и литературы Российской Академии наук)[9].

Первое письмо (от 24 июня 1834 года), написано из командировки в степь, сочетавшей, как и большинство поездок такого рода, научно-исследовательские цели с пограничными делами. Из текста письма ясно, что в поездке участвует смотритель музея при Неплюевском военном училище Т. Зан, который успешно руководит работой золотоискателей. Основной же целью отряда Виткевича являются поиски разбойничающих в степи киргиз-кайсаков, от набегов которых страдали и их «мирные собратья», и пограничные казаки. Кроме этого, по-видимому, по просьбе Даля, Виткевич записывал песни и сказки татар, башкир и казахов.

«Милостивый Государь Владимир Иванович.

Едва 8 июня мы выступили из Орской; местоположение по проходимым нами местам вообще довольно хорошее, хотя и не видели ещё лесов. Золотоискатели на каждом почти переходе вымывают золото; хотя видимое только в микроскопе, что меня не очень удовлетворяет. В одном только месте найден кусок весом в 8-ю долю золотника, как вы об этом подробнее узнаете из посланного Заном донесения.

Наши киргизские дела нисколько не подвигаются вперёд. Те, с которых надо бы сделать взыскание и нужные для захвату, все откочевали за Тобол. Так что с отрядом, делающим 7 или 10 вёрст в день и думать нельзя о настижении их. С сим посланником я донёс подробно Григорию Фёдоровичу[10] о всём, что нам досель известно. Во всяком случае, высылка охотников башкирцев необходима, тем более, что виновные джегалбайлинцы отделили <сь> совершенно от мирных собратий своих, и потому не грешно бы было наказать первых.

Песни и сказки пишутся; только сказки говорят татары и башкиры. Киргиза ещё не встретил, который бы умел что-либо.

Ежели дела наши пойдут дальше так, как теперь, то, быть может, я возвращусь раньше, нежели предполагал.

С истинным почтением и совершенной преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, всепокорнейшим слугою.

Иван Виткевич

Вершины речки Урус-Кискан,
24 июня 1834 года»

Следующие два письма написаны во время поездки Виткевича в Петербург вместе с афганским посланником. В первый раз он писал Далю через месяц после приезда, 2 августа, досадуя, что за всё это время ещё не получил никаких предписаний относительно своей дальнейшей деятельности. Он не мог знать, что проживёт в Петербурге без малого год. Правительство долго не могло определиться в своей политике относительно Афганистана.

Виткевича пока ещё более всего занимают прерванные служебные дела в

Оренбурге. Его интересуют домашние дела Даля, который в это время покупал себе дом и перевозил семью на новое место. В письме содержатся первые впечатления о столице. Знакомство с ней затруднено отсутствием друзей, которые могли бы показать город, плохой погодой и случившимся недомоганием. Однако Виткевич сумел уже побывать в театрах, посетить Эрмитаж и Кунсткамеру, увидеть картину К. П. Брюллова «Последний день Помпеи» в Академии Художеств.

«Милостивый Государь Владимир Иванович.

Уже целый месяц, как я в Петербурге, а ещё о возвращении ничего не слышно; через несколько дней я постоянно посещаю Азиятский Департамент, но доселе ни одного слова о деле не слышал. Так что каждый день приходится спросить себя, для чего я здесь? И ответа придумать невозможно. – На днях Его Высокопревосходительство Господин Директор[11] читал мне уведомление Василия Алексеевича о благополучном возвращении наших экспедиций. Слава Богу, что они довольно успешны. При сём я имел честь объяснить Господину Директору, что чин хорунжего, к которому представлен Султан Асфендияр, не более прапорщика. Я был несколько раз у Васильева, но никогда застать не мог, и встретился случайно в театре. Он скоро едет в Астрахань и надеется быть в Оренбурге. – Приятелям киргизам не сидится, они снова нашалили на море; вероятно, Вы уже об этом слышали. Васильев едет, чтобы с ними посчитаться. – Кроме первой аудиенции Гуссейна в Департаменте, о коей я донёс рапортом Его Превосходительству Василию Алексеевичу, его более никуда не требовали. – Хаджа Назарбай[12] и депутат Шергазыя[13] ещё здесь, я с ними не виделся, хотя первый навещал Гуссейна.

В продолжение месяца едва три или четыре ясных дня имели мы здесь, дожди и холода не хуже наших. – Здоровье моё совершенно отказывается служить долее – какой-то Typhus жёлчный, так взвеличал его доктор, который меня лечит, и совершенное расстройство желудка продержали меня в постели около недели, а уже 10 дней как из комнаты ни на шаг не выпущают. – Я не видел даже великолепного фейерверка, который давала вчера Гвардия в Красном Селе, и от которого Гуссейн помешался. – Как я не завёл здесь никаких знакомств, то большого труда стоило пробраться в Эрмитаж, Кунсткамеру, Академию Художеств, где картина Брюллова. – Петербург великолепен, но надо пожить долго, чтобы видеть всё любопытное и всему подивиться.

Письмо и <…> отданы г. Реймерсу[14], только он переменил квартиру и большого труда стоило отыскать новую его обитель. – Я здесь слышал о смерти брата Василия Алексеевича[15], могу себе представить, сколько это известие его огорчило, дай Бог, чтобы на здоровье не имело вредного действия. – Кочуете ли ещё, Владимир Иванович? Или уже устраиваете новое ваше хозяйство в Оренбурге? Во всяком случае несколько строк от Вас сделали бы мне большое удовольствие. Я, вероятно, пробуду здесь долго. – Я буду писать к Василию Алексеевичу, как только будет здесь что-нибудь, о чём можно будет его уведомить. Теперь, как видите, нет и малейшего предлога.

Прошу принять уверение истинного почтения и совершенной преданности, с какою имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, Всепокорнейшим слугою.

Иван Виткевич
С. Петербург, 2 августа 1836 г.
Квартира в Малой Морской
на углу Кирпичного переулка.
Трахтир Париж, № 9»

Судя по всему, Даль обстоятельно ответил на это письмо, и Виткевич пишет ему снова ещё через месяц, благодарит за известия из Оренбурга, несколько

огорчается из-за каких-то гуляющих там после его отбытия сплетен, объясняет, что Государь в отъезде, и потому всё ещё приходится ждать.

Именно в это время произошло назначение Виткевича в адъютанты к Перовскому. Напомним одно из писем последнего к В. И. Далю, опубликованных нами в № 14 альманаха «Гостиный Двор»[16]. Мы считали, что записка из Казани от 22 августа 1836 года написана по пути из столицы. Это неверно, так как в Петербург Перовский поехал позднее. Более вероятно, что он, находясь по делам в Казани, именно там получил из Петербурга известия о том, что Далю пожалованы императором две тысячи рублей за «Памятную книжку для казачьих войск», ссыльному Алябьеву возвращён первый классный чин, а Виткевич назначен в адъютанты к Перовскому. Сам Иван Викторович, следовательно, узнал об этом в столице.

В письме идёт речь о хивинских купцах, задержанных в Оренбурге. Виткевич высказывает своё мнение об этой вынужденной мере военного губернатора. Купцы были задержаны, чтобы вытребовать у хана проданных в Хиву в рабство русских людей. Виткевич пишет, что, как ему кажется, в Петербурге поняли необходимость этой меры.

Он одобрительно отзывается об управляющем Азиатским департаментом министерства иностранных дел К. К. Родофиникине, с которым много разговаривал.

«Милостивый Государь Владимир Иванович.

Путник в пустыне Аравийской, утомлённый жаждою и зноем!!! и пр.: я хотел Вам сказать, что письмо Ваше сделало мне истиннейшее удовольствие, я жаждал известий из Оренбурга об наших делах в степи, хивинцах и житье-бытье тех, которые меня интересуют. Всё это я нашёл в письме Вашем. Я рад от души, что всё у Вас по добру по здорову, что Вы довольны Вашим новым хозяйством. Одно меня заставляет несколько кручиниться. Это женитьба моя без ведома и согласия моего, но как подумаю поплотнее, то и видно, что как женили, так и разведут – по крайней мере я совершенно покоен и уверен, что не подал малейшего повода к мельчайшему из предлогов. Об остальном яснее увидите на просторе по возвращении моём в Оренбург, которое Бог весть, когда последует. Кратчайший срок – возвращение Государя Императора в столицу. В один приём во всём прояснится. Как поразгляделся здесь, то и не совсем дурно – конечно, лучше в степи! – но что-то торопиться с отъездом мне не совсем хочется!

Конечно, Вы уже знаете о новой милости, которою я обязан Василию Алексеевичу. Я назначен к нему в адъютанты. – Не имею надобности рассказывать, сколько это мне сделало удовольствия. Вы можете судить об этом вернее и истиннее, нежели кто-нибудь...

Вы спрашиваете, что я думаю о захвате хивинцев? Кажется, что нет сомнения в успешном окончании этого славного дела, ежели только астраханцы справятся так же молодецки, как мы. Г. <-н> Директор Азиятского Департамента удивляется, что так много набралось хивинцев и что капитал так значителен; поистине нельзя не удивляться. Ежели не ошибаюсь, то кажется, что здесь совершенно убедились в пользе этой меры и хотят всеми средствами поддержать и довесть до конца начатое. – Благослови Бог хорошие их намерения. Я познакомился поближе с Управляющим Отделением Департамента, по которому проходят все наши дела, он имеет очень хорошие сведения об наших странах и большое влияние на дела, и его жаль, хорошо бы было, ежели бы можно, чаще встречать таких людей; я толковал с ним долго и много обо всём, желание есть делать всё лучше для нашего края, да способов немного и они здесь так заняты делами, которые издалека

кажутся важнее наших, что едва при важнейших случаях обращают на нас внимание.

Послезавтра я отсылаю обратно в Оренбург попутчика башкирца Ибея. Вместе с ним г. Директор приказал отправить также и депутата Шергазыя, я постараюсь завтра узнать, не будет ли к Вам каких посылок и пришлю с ним в ожидании личного предстательства. Здесь все говорят, что Василий Алексеевич будет сюда нынешнюю зиму, как бы я был счастлив дождаться его здесь, ежели в Оренбурге нет особенного дела – здесь право не совсем дурно, и сколько я не киргиз, то начинаю оценивать удобства и удовольствия законченной образованности. – Но ежели какая-нибудь деятельность предстанет у Вас как есть вероподобие, то я готов, ежели к чему пригожусь, и употреблю все средства поскорей возвратиться.

С началом сентября здесь погода совершенно весенняя, небо так ясно, как у нас в Азии. Я поэтому не теряю времени и езжу, хожу, бегаю, и ежели ещё месяц побуду в Петербурге, то уж ни за каким сведением не поеду в справочное место. Прошу засвидетельствовать моё истинное почтение Юлии Егоровне и маленького казачка поцеловать за меня. – Желаю здоровья и хорошей охоты, которая, верно, уже началась по случаю сентября –

имею честь быть Вашим
покорнейшим слугою.
Виткевич.
С. Петербург, 6 сентября 1836 года.

Ради Бога, Владимир Иванович, не забудьте об вывезенном мною из Бухары башкирце Низаметдине, приписанном в 9 кантон. Мне пишут из Оренбурга, что Тимофеевич наложил на него железную лапу – защитите!»

«Маленький казачок» – это, видимо, младший сын Даля, Святослав, которому в это время было полгода.

Трогательный постскриптум касается человека, сопровождавшего Виткевича в Бухару. Защитить его нужно, скорее всего, от генерала С. Т. Циолковского, известного своей жестокостью по отношению к нижним чинам.

Желание Ивана Викторовича дождаться в столице Перовского исполнилось. С ним вместе в начале зимы в Петербург приехал и Даль. При них решалось дело афганского посланника, которое вызывало большие затруднения у русского правительства, опасавшегося спровоцировать открытое недовольство Англии. Только 13 мая 1837 года военный министр А. И. Чернышёв сообщил Перовскому, что решено отослать Гуссейна-Али обратно в Кабул через Персию, причём император повелел: «Отправить вместе с ним находящегося ныне при сём посланнике и прибывшего из Оренбурга адъютанта Вашего превосходительства поручика Виткевича с тем, чтобы офицер этот, как знающий восточные языки, сопровождал его до самого Кабула и вручил подарки, следующие к Афганским владельцам, если только министр наш в Персии граф Симонич найдёт эту посылку Виткевича в Афганистан возможною»[17].

Таким образом, Виткевич должен был отправиться в Персию и дальнейшее зависело от русского посланника в Тегеране И. О. Симонича.

Следующее письмо к Далю написано уже в мае, из Ставрополя, по пути на Кавказ. Виткевич выехал из Петербурга вместе с афганским посланцем, но Гуссейн Али, измученный петербургской зимой, в пути заболел и остался в Москве.

«Ставрополь, 31 Майя 1837 года.

Благословенный Петербург остался далече, а в нём и лень, которая заставляла меня так долго не писать к Вам, почтеннейший Владимир Иванович. – С приездом в Ставрополь я увидел новый мир, совершенно отличный от всего, виденного доселе. – На всех лицах видна печать удальства, молодечества,

беззаботливости, чего увы! в нашем Оренбурге не заметно. Быть может, что черкесский костюм и обязанность казаков быть всегда вооружёнными представляют их удалее, нежели они в самом деле. Прибавьте, что они, как и наши киргизы, неохотно ходят пешком – это уподобляет Ставрополь киргизскому аулу во время игровое – не менее того город не завиден, мал и имеет какой-то вид неопрятнейший и неприятный – единственное, по-моему, украшение – это пирамидальные тополи необыкновенной вышины и красоты.

Я приехал сюда вчера вечером и успел уже свести знакомство с одним князем черкесским – они совершенно похожи на наших голодных султанов и чуть ли не бесчестнее их.

Я начинаю высоко ценить мое знание киргизского языка, – наречие, которым говорят здесь, так похоже на наше, что мне кажется, будто я у Ивашкевича[18] в гостях и беседую с Джагалбайлинцами.

Вильяминов и все войска отправились в экспедицию, барон Розен также в горах в 7000 <вёрст> где-то к Чёрному морю около Абхазии. Приехавши в Тифлис, я отправлюсь туда, потому что он нескоро возвратится, а я должен непременно засвидетельствовать <от> Азиятского департамента лично. – Ежели успею попасть на пир, на драку, постараюсь не ударить в грязь честью Оренбургской Казацкой.

Я совершенно скандализован (простите выражению) тем, что видел на Дону – по совести мещеряки наши во всех отношениях лучше Донцев – тому, кто привык видеть Оренбург, трудно поверить, что существует где-либо такой беспорядок, какой вы тут встречаете. Несколько полков обогнал я дорогою, они шли на службу в Грузию для сохранения персидской и турецкой границы. Все, что об них можно сказать, это то, что ежели бы наша линия была охраняемая такими молодцами, давно бы Кутебаровы[19] дети продали нас всех в Хиву. – Одним словом, это польская Ruchawka без водки.

Я завтра со светом оставлю Ставрополь, сожалея, что мы не заехали сюда с Н. В. Балкашиным[20], купили бы шашек да кинжалов, которых здесь такое множество и за безделицу, меньше 200 рубл. и не ценят.

Гуссейна я оставил в Москве, и кажется, что он оттуда не выедет, впрочем, судьбы Аллаха неисповедимы, может быть, он и оживёт.

В Тифлисе я буду дней через 5, а оттуда, съездив послушать свисту пуль черкесских – поскачу в Тегеран подышать воздухом чумы и прислушаться щёкоту скорпионов – не правда ли, что это поэтически? А наше дело козацкое, добиваем как умеем скорее остатки жизни – а всё конца нет как нет!

Прощайте, почтеннейший Владимир Иванович. Потрудитесь засвидетельствовать моё истинное почтение Юлии Егоровне да Батыря Арслана[21] поцеловать за меня, и вспоминайте иногда истинно Вам преданного – Виткевича»

Мрачноватый юмор этого письма позволяет понять, почему Виткевича считали меланхоликом, искавшим на свою голову опасностей и даже гибели.

Следующее письмо написано через два месяца из Тавриза. Здесь Виткевич упоминает о приятных попутчиках, один из которых – «адъютант графа Симонича Бларамберг».

Иван Фёдорович Бларамберг (1800-1878) направлялся в Персию в качестве чиновника особых поручений при Симониче, в это время занимавшем пост русского посланника в Тегеране[22]. Симонич считал необходимым установление связей России с Афганистаном и горячо поддержал командировку Виткевича в Кабул.

«Тавриз, 29 июля 1837 года.

Надеюсь, что письмо, которое я писал к Вам из Ставрополя, благополучно достигло своего назначения. Теперь

спешу возвестить, что горделивыя хребты Кавказа и Арарата далеко остались за мною и я уж целую неделю наслаждаюсь отдохновением под гостеприимным кровом консула нашего в Тавризе – в вожделенном здравии и благополучии – что здесь, особенно в это время года, весьма высоко ценится странником.

Заехав на несколько часов в Пятигорск и налюбовавшись Кавказом во время медленного проезда, я приехал в Тифлис 7 июня. Здесь, заплатив дань климату двухнедельною болезнью и употребив столько же времени на приготовления в дорогу – 6 июля я оставил скучнейший и неопрятнейший город с величайшим, как можете представить, удовольствием – тем более, что до Тегерана еду в очень хорошей компании – адъютант гр. Симонича Бларамберг и ещё один чиновник из министерства странствуют со мною.

От Тифлиса до Тавриза считается приблизительно 600 вёрст, из которых около 400, т. е. от Нахичевани и Джюльфинской переправы на Аравию, хотя и составляют наши владения, но не имеют ещё порядочно устроенных почт, так что из самого Тифлиса необходимо ехать верхом, а вещи вьючить на лошадей; при утомительных жарах и многочисленных насекомых, крылатых и пресмыкающихся, этот способ путешествовать довольно неприятен.

Окрестности Эривани отличаются бесплодностью почвы, сильнейшими жарами днём и удушливыми ветрами ночью. Вредность здешнего климата признана всеми, и не только все русские чиновники, но большая часть туземцев оставляют в летние месяцы Эривань и кочуют в Гамбахских горах. Проезжая бесплодную равнину между Эриванью и Нахичеваном, всего около 100 вёрст, Арарат с снеговой вершиной своей, кажется, насмехается над томимым зноем и жаждою странником. Вы так близко <от> себя видите снег, а между тем принуждены пить отвратительно тёплую воду, потому что 40 вёрст пространства, Аракс и за ним хищные курды отделяют вас от Арарата.

Нахичевань – груда развалин, замечателен только дворец хана, в котором мы останавливались и пробыли два дни. Гассейн-хан, который управлял этой провинцией во время персиян, сохранил свою власть и при нашем правительстве. Он также где-то на кочевье. Нас угощали невидимые его жёны. Тут я первый раз видел искусство, с каким Азиятцы украшают внутренность своих жилищ. Резьба и арабески сделали бы честь нашим артистам.

В 30 верстах от Нахичевани Джюльфинская переправа через Аракс – трудно себе представить что-либо печально-пустыннее берегов этой реки.

Здесь есть Карантин, в котором приезжающие из Персии должны умирать от голода и пить мутную и вредную воду Аракса. Переехав его, Вы дышите совершенно свежим воздухом, и перемена температуры так чувствительна, что мы принуждены были надеть бурки.

В первой персидской деревне, где мы остановились, я не мог надивиться приветливости и услужливости жителей. В Маранде – первом городе, управляемом ханом, которому также принадлежит и пограничная область – мы с большим трудом заставили хозяина, у которого квартировали, принять деньги за провизию и фураж.

В Тавриз приехали мы 23 июля и остановились в доме Консульства. Извозчики были у нас наняты от Тифлиса до Тавриза, отсюда до Тегерана надо нанять новых, и в это время года никто охотно не едет, поэтому едва 31 июля и нам пуститься в путь. Страшно подумать, что ещё 17 дней придётся жариться на ужасном солнце и проезжать деревни, славящиеся то вредностью климата, <то> ядовитыми клопами или скорпионами высшей доброты.

Тавризский наш консул Дмитрий Федорович Кодынец принял нас очень радушно, он в Черномории был знаком Василью Алексеевичу и очень интересуется знать что-либо об Оренбурге. Я удовлетворяю по возможности его любопытство. Ежели Вам вздумается написать когда-нибудь ко мне, адресуйте на его имя в Тавриз.

Надеюсь, что не откажетесь, почтеннейший Владимир Иванович, засвидетельствовать моё истинное почтение Василию Алексеевичу. Зная, как он обременён делами, я не смею обременять моими письмами, а из Тегерана доложу, какое употребление сделает из меня г. посланник. Прошу Вас также сообщить Его Превосходительству следующие политические новости. 24 июля шах отправился с войском против Трухменцев, по направлению к Мешеду, ни наш, ни английский посланники не сопровождают его, и послали только младших чиновников. Войска вообще недовольны, есть полки, которые за два года не получили жалования, некоторые из них, не доходя ещё до Тегерана, узнав, что идут против Трухменцов, разбежались. Другие сделали то же на первой станции за Тегераном, и на обратном пути в домах производят опустошения и разбой. Все предсказывают очень дурныя последствия сему предприятию. К тому ж за несколько дней перед сим (уже в бытность мою в Тавризе) бежали из Арзебильской кр<епости> к нашей границе в Ленкоране два принца, из которых один уже царствовал и свергнут нынешним шахом. Он называется Зели-Султан.

Тавриз очень напоминает св. Бухару с той разницею, что здесь нет ни одного здания, которое бы сколько-нибудь обращало на себя внимание по наружному виду. Говорят, что внутренности домов знатных людей отделаны великолепно, но сие видеть трудно, и только с высокой террасы иногда жадный взор мой ныряет в заповедные дворы правоверных.

Прощайте, Почтеннейший Владимир Иванович, засвидетельствуйте моё почтение Юлии Егоровне и примите уверения в совершеннейшей преданности.
И. Виткевич

Его высокоблагородию
Владимиру Ивановичу Далю
в Оренбург»

Вряд ли Даль мог быстро ответить на это письмо: весна и лето 1837 года были для него очень напряжёнными. Среди многих важных служебных дел главным была подготовка к визиту в Оренбург наследника, будущего императора Александра II. Восемнадцатого июля, в момент проводов высокого гостя, неожиданно умер «маленький казачок» Святослав, которому едва исполнился год. Прочитав в журнале «Русский Инвалид» рассказ о празднике, устроенном в Оренбурге в честь приезда цесаревича, не зная, конечно, как этот праздник омрачён для Даля, Виткевич пишет ему уже из-под Тегерана о том, как сожалеет, что не был в эти дни рядом с сослуживцами.

«Касри Кодеяр, летний дворец шаха в 7 верстах от Тегерана
31 августа 1837 года

Вчера Тавризский курьер привёз нам Инвалиды от 17 и 19 июля. Трудно Вам объяснить, с каким я удовольствием прочитал в первом из этих №№, что Василий Алексеевич получил Александра Невского, а во втором описании празднеств в нашем Оренбурге во время бытности Государя Наследника. Тут Вы порадовались, попировали, Владимир Иванович, а меня досада берёт, что не мог видеть, как показались Его Высочеству земляки-киргизы, особенно вестовыя, из которых по описанию в Инвалиде я узнал одного – с медалью – это Нарынбай – так и вижу перед собой его премудрую наружность.

В описании бытности в Уральске вспоминают об супруге Наказного Атамана – неужели Василий Осипович[23]

женился? Придётся не узнать Оренбург – особенно если ещё постранствуется года два.

От души жалею, что изобретатели всяких хитросплетений англичане не завезли в Персию самолёта, на котором сами прошлую зиму летали через Кале – а то бы, право, не удержался, забравшись на вершину Демавента (высочайшего пика Ельбруса, который виден из моей палатки), я полетел бы по направлению к Тимир Казыку, у которого Вы обитаете, попировал бы с Вами сутки, двое, трое, с условием, что кумыс будет литься обильно – и потом обратно в Персию, а здесь, по совести сказать, ей-ей не дурно – особенно кому здоровье, как мне не изменяет. Хотя прошлогодний вывих руки опять возобновился, и уже 6-й день как за гривку хвататься не могу – но Ин-Шалла[24] поправится – а в прочем всё благополучно!

По причине боли и опухоли руки я до этих пор не отправился в лагерь шаха, который, как мы сегодня узнали, уже несколько дней тронулся из Шаруд-Бустама (как я Вам об этом писал в прошлом письме, кажется, от 23 августа) по направлению к Герату – эта весть не очень меня радует, потому что пространство, которое придётся проехать, чтобы узреть Средоточие Вселенной, увеличивается, а Хорасанския дороги ни безопасны, ни приятны, по пустынности песчаных безводных степей. Труднее всего путешествовать по следам персидской рати, которая, как саранча, съедает и истребляет всё материально<е> – даже глиняные стены домов, чтобы в них отыскать осколки дерева для варения пищи.

Причина, что рука моя разболелась, происходит, собственно, от моей неосторожности. Я ездил с несколькими товарищами (членами миссии) в горы, отстоящие от места, где находимся, верстах в 14-ти, чтобы полюбоваться великолепным водопадом – половину дороги только можно делать на лошадях, остальные 7 вёрст едва мулы и пешеходы имеют возможность пробраться по узенькой и перпендикулярной тропинке, но прелесть каскада невыразима, и мы вознаграждены за тяжкие труды.

Полотно воды шириною в 3 или 4 сажени падает с скалистого утёса вышиною сажен 80 – лучи солнца дают этой воде всевозможныя оттенки радужных цветов – описать Вам действие брызгов в месте, где вся масса воды падает впервые на твёрдую скалу, было бы напрасно – я не могу сравнить этого ни с чем, виденным доселе. На второй террасе, где уже вода падает с незначительной высоты, и следовательно, не с такою силою, устроен бассейн – над ним на обломке скалы с левой стороны устроена площадка, где Фет-Али Шах любил ставить палатку и любоваться на купающихся в бассейне красавиц гарема. Вся Персия единогласно признаёт умершему шаху первенство в искусстве изобретать чувственные наслаждения. Следы этой страсти знаменитого мужа видны во всех Chateaux de plaisance[25], которых он настроил неимоверное множество в 30-летнее царствие своё, и это есть единственное право на бессмертие. Нынешний шах истый гугенот, квакер, и что хотите, он имеет только трёх жён и не любит всякого великолепия. Страсть завоеваний обуяла его богатырским сердцем, и вот уже два года как победоносные войска его опустошают внутренние части королевства, не подходя к границам, из респекта и уважения к неприятелям. Но сплетни шахские, конечно, вам надоели, а вы бы охотнее послушали рассказы об удальстве чиклинцев или джагалбайлинцев, но об этом поговорим в Оренбурге, глаз на глаз, как говорится. А пока возвратимся к руке: лазивши по скалам у фонтана, я оборвался и повредил её снова, боль не так сильна, но совершенно похожа на то, что было в Оренбурге. Приготовления к дороге делаю в надежде скорого выздоровления. Но Аллах бляр мен не блярем? что слу-

щится – а между тем прощайте – время приближается, что я буду лишён удовольствия писать к Вам, заехав, где и Макар телят не гоняет.

Юлии Егоровне
моё истинное почтение. – Dixi»

И, наконец, перед нами последнее письмо. Виткевич встретился с персидским шахом и отправляется дальше, в Афганистан. Описание шаха и его войска кратко, информативно и несколько юмористично. Шах напоминает ему одного из киргиз-кайсацких старшин, Кусяб Султана, о котором Даль неоднократно упоминал в повести «Бикей и Мауляна» и корреспонденциях из Оренбурга. Войско кажется Виткевичу похожим на оренбургские башкиро-мещеряцкие подразделения. Однако «страна историческая и весьма интересная» осталась позади, впереди – Кандагар и Кабул, «геркулесовские труды» дипломата. Что-то похожее на горькое предчувствие сквозит в последних словах письма.

«Лагерь Шаха при Нишабуре,
29 сентября 1837 года

Выехав из Тегерана 11 сентября, я наконец вчерашний день доплёлся до Нишабура, у стен которого лагерь шаха расположился. Нишабур, как Вам известно, славен копями бирюзы (но они теперь запущены). Он отстоит от Тегерана в 900 верстах, а от Мешеда в 120. Окрестности прелестны, сады славут величиною гранатов и качеством фиг. Поел я плодов за всех оренбургских жителей, дай Бог им здоровья!

Вчера ещё, сей час по приезде, я представился шаху. Он словоохотлив, любит блеснуть своими географическими познаниями, а наружностью похож на Кусяб Султана. Он был в восторге от моего казацкого мундира и говорил, что велит одеть по этому образцу одну сотню своей кавалерии.

30 сентября.

Войско шаха состоит из 20 Башлюков полурегулярной пехоты, 80-ти орудий и около 60-ти сотен кавалерии, очень похожей на наших мещеряков.

Я сегодня надеюсь пуститься в путь – через Турмез и Каип в Кандагар. – Тут начинаются мои Геркулесовския труды. Ежели успею их переборoть, то, возвратившись, похвастаю, – а нет, так поминайте, как звали! Предприятие моё, как можете себе представить, тяжко, но я вполне вознаграждён за труды тем, что удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям и новым впечатлениям.

Проехал я страну историческую и весьма интересную по правилам и обычаям ея обитателей, видел развалины древней столицы Тартов Hecatopolis, ныне Дамган, маленький городок с 200 жителей, но развалины простираются на 14 вёрст в длину. Одна только башня сохранилась со времён Тартов, она имеет 240 ступеней, с вершины я осматривал восхитительные окраины.

Пора перстать[26], зовут к шаху, это прощальная аудиенция, часа через два я уеду – и Бог весть, увидимся ли когда...

Прощайте, Владимир Иванович, кланяйтесь всем хорошим знакомым и не забывайте истинно Вам преданного Виткевича»

Виткевич не ошибался, предчувствуя трудности, ожидавшие его в Кабуле. Здесь ему довелось встретиться со знаменитым английским агентом Александром Бёрнсом, который старался оказать влияние на Дост-Мухаммеда, склонив его на сторону Англии. «Дуэль в Кабуле», в которой победителем оказался Виткевич, описана в романах М. Гуса[27] и Ю. Семёнова[28], сумевших передать драматическую напряжённость происходивших событий.

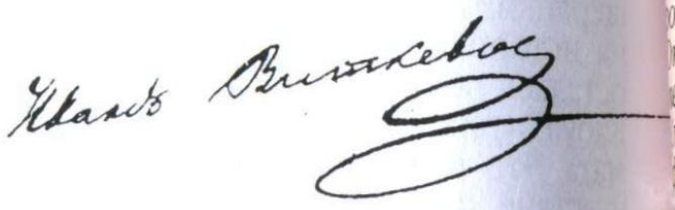
Однако переживать ощущение победы Виткевичу пришлось недолго. Английское правительство, готовившееся к вторжению в Афганистан, было взволновано его приездом в Кабул и официально заявило, что видит в этом посягательство России на интересы англичан в Индии. Не желая обострять

отношения, русское правительство отказалось от вмешательства в «афганские распри», а ответственность за действия Виткевича возложило на Симонича, якобы превысившего свои полномочия при принятии политических решений, и отозвало его из Персии.

Усилия Виткевича оказались, таким образом, напрасными, а его имя появилось в европейских газетах, окружённое скандалом. Вернувшись в Петербург через два года после отъезда, он оказался в новой обстановке. Место отправлявшего его в Афганистан К. К. Родофиникина, который умер 30 мая 1838 года, занимал Л. Г. Сенявин, имевший другие взгляды на русскую политику в отношении Востока. Возможно, это усугубило постигшее Виткевича разочарование.

Однако когда утром 9 мая 1839 года Виткевич был найден мёртвым в своей комнате петербургской гостиницы «Париж», встречавшиеся с ним накануне люди были поражены, так как по их свидетельству ничто не предвещало его самоубийства. Все привезённые из Персии записки оказались сожжёнными. И хотя было обнаружено предсмертное письмо, обстоятельства смерти Виткевича так и остались загадочными. Биографы не исключают его убийства[29].

Друзья Виткевича, в том числе Перовский, Даль, Бларамберг, всегда помнили его, горько сожалея о безвременной кончине этого превосходного человека, наделённого ярким талантом и высокими душевными качествами.

Примечания:

[1] ГАОО: ф.6, оп. 18, № 91, лл. 3-4

[2] *Матвиевский П. Е.* Гумбольдт и Виткевич / Гостиный Двор, № 4, 1997. С. 221-228

[3] ГАОО: ф. 6, оп. 10, №№ 3771, 3798

[4] ГАОО: ф. 6, оп. 7, № 738

[5] ГАОО: ф. 6, оп. 7, № 738, лл. 7-8 об.

[6] Записки о Бухарском ханстве. *Отв. ред. Н. А. Халфин.* М.: Наука, 1983. С. 12

[7] ПФА РАН: ф. 56, оп. 1, № 19, л. 1

[8] Записки о Бухарском ханстве. *Отв. ред. Н. А. Халфин.* М.: Наука, 1983. С. 84-129

[9] Институт русского языка и литературы РАН. Рук. отд., 27294/CXCVI65

[10] Г. Ф. Генс – начальник Оренбургской пограничной комиссии

[11] К. К. Родофиникин (1760-1838), директор Азиатского департамента министерства иностранных дел

[12] Назарбай Байкшиев – бухарец, служивший в Оренбурге в чине титулярного советника

[13] Шергази – казахский хан, внук Абулхаира, находившийся в ссылке в Уфе

[14] А. О. Реймерс – двоюродный брат В. И. Даля

[15] Алексей Алексеевич Перовский (писатель Антоний Погорельский) умер 28.07 (ст. ст.) 1836 г.

[16] *Матвиевская Г. П., Зубова И. К.* «Я вас люблю как друга...» Письма В. А. Перовского к В. И. Далю // Гостиный Двор, № 14. 2003. С. 247-260

[17] ГАОО: ф. 6, оп. 7, № 738, лл. 17-17 об.

[18] Виктор Карлович Ивашкевич, соученик Виткевича по Крожской гимназии, также сосланный в Оренбургский край

[19] Кутебар – известный в Оренбурге разбойник

[20] Николай Васильевич Балкашин – в 1837 году капитан, адъютант В. А. Перовского

[21] Арслан – старший сын Даля, трёхлетний Лев

[22] *Бларамберг И. Ф.* Воспоминания. М.: Наука, 1978

[23] В. О. Покотилов – уральский наказной атаман

[24] Даст Бог (ар.)

[25] Дворцах для удовольствий (фр.)

[26] Вероятно, запечатывать письмо перстнем

[27] *Гус М. С.* Дуэль в Кабуле. Нукус, 1969

[28] *Семёнов Ю.* Дипломатический агент. М. 1959

[29] *Халфин Н. А.* Загадки истории. Драма в номерах «Париж» // Вопросы истории. 1966, №10. С. 216-220